

Русские экспедиции и китайские власти в конце XIX — начале XX века

Жун Синь-цзян (榮新江)

Обширные территории Центральной Азии, именовавшиеся в западной традиции XIX — начала XX в. Восточным, или Китайским, Туркестаном, упоминались в китайских исторических памятниках со времени династии Хань (206 г. до н.э. — 220) как Западный край. На протяжении тысячелетий здесь существовали, сменяя друг друга, цивилизации, различавшиеся по своим языкам, этносам, религиям. Через города-оазисы Хотан, Шулэ (Кашгар), Кучу, Яньци (Карашар), Лоулань и Гаочан (Турфан), разбросанные в пустыне на большом расстоянии друг от друга, проходил Великий Шелковый путь, трансконтинентальный торговый маршрут из Китая через Центральную Азию в Переднюю Азию и далее в Европу. Оазисы были не только важными экономическими центрами северной и южной ветвей Шелкового Пути: через них в Восточную Азию приходило влияние Запада, а китайская культура проникала на Запад. Причудливое сочетание различных этнических и религиозных компонентов было уникальным для каждого из городов и сделало его неповторимым феноменом.

С X в. на территории Западного края стал распространяться ислам. Поселившиеся здесь уйгуры принесли с собой тюркизацию местного населения. Под влиянием природных факторов — песчаных бурь и зыбких почв — многие памятники доисламской культуры оказались погребены в пустыне. Когда-то процветавшие буддийские монастыри, о которых упоминали паломники Фа-сянь и Сюань-цзан, и храмы, где проповедовали наставники дхармы Кумараджива и Шиксанада, были заброшены и почти исчезли с лица земли.

В XVIII в. земли Западного края вошли в состав Цинской империи (1644—1911), а в 1840 г. границы Китая были открыты западными державами. Некогда могущественная Цинская империя ослабла и пришла в упадок. К концу XIX в. Южный Китай был поделен на сферы влияния между западными государствами, а Синьцзян попал в сферу интересов России и Великобритании, боровшихся за влияние в Центральной Азии. Стремясь основательно исследовать эти территории, державы направляли сюда разведывательные экспедиции, которые первоначально имели военные и географические цели. Но с течением времени усилилось внимание западных исследователей к памятникам прошлого Восточного Туркестана. Археологические экспедиции европейцев, организация которых изначально была продолжена

Russian Expeditions and the Chinese Authorities in the Late 19th and Early 20th Centuries

Rong Xin-jiang (榮新江)

Vast territories of Central Asia, which were referred to as Eastern or Chinese Turkestan in the Western tradition of the 19th and early 20th centuries, used to be called *Xi yu* (Western Regions) in Chinese historical records beginning from the times of the Han Dynasty (206 B.C. — 220 A.D.). Over thousands of years numerous civilizations superseding one another existed in the region, differing in languages, ethnic composition and religions. The Silk Road, a transcontinental trade route from China via Central Asia and further through Asia Minor into Europe went across the oases of Khotan, Shule (Kashgar), Kucha, Yanqi (Karashar), Loulan and Gaochang (Turfan), sparsely scattered in the desert. The oases states were not only important economic centres of the northern and southern routes of the Silk Road — through them the Western cultural influence penetrated into Eastern Asia and, conversely, Chinese culture found its way to the West. A whimsical combination of various ethnic and religious components made each of the states a unique phenomenon.

From the 10th century onwards Islam began to spread in the Western Regions. Due to the Uighurs settling here the Turkic ethnic element became predominant among the local population. As a result of climatic and other natural factors, such as sand storms and quicksands, numerous monuments of pre-Islamic culture were buried in the desert. The once flourishing Buddhist monasteries mentioned by the pilgrims Fa-xian and Xuan-zang, and temples in which the Dharma teachers Kumārajīva and Śikṣānanda used to preach, were abandoned and almost effaced.

In the 18th century Western Regions were integrated into the Qing Empire (1644—1911), and in 1840 the frontiers of China were opened to Western countries. The once powerful Qing Empire got weakened and, finally, declined. By the end of the 19th century, Southern China was divided between Western countries into spheres of interest, Xinjiang falling into the zone where Russia and Great Britain were vying for influence in Central Asia. Performing thorough studies in the region, the two powers sent exploratory expeditions there, initially for military and geographic ends. With time, however, the Western explorers grew more interested in Eastern Turkestan's monuments of the past. The Europeans' archaeological expeditions, which were primarily part of 'The Great Game', eventually played an important role in the study of the monuments of the

ем «Большой игры», в итоге сыграли большую роль в изучении памятников ушедших цивилизаций нынешнего Синьцзяна. Чрезвычайно большим было значение российских исследователей, которые на протяжении десятилетий вели здесь активную экспедиционную деятельность. Этому способствовало, среди прочих факторов, удобное географическое расположение России.

Наиболее значительные результаты российских исследователей Синьцзяна в XIX—XX вв. состоят в следующем:

1. Исследование письменных памятников Хотана, крупнейшего оазиса на южной ветви Шелкового пути, центра распространения на восток буддизма Махаяны. Памятники буддийской культуры на санскрите и *кхароштли*, собранные в Хотане Н.Ф. Петровским и С.Е. Маловым, в том числе «Дхармапада» и «Лотосовая сутра» («Саддхармапундарика-сутра»), стали важнейшими источниками для изучения бытовавшей здесь буддийской традиции. Русскими исследователями были приобретены не только буддийские тексты V—VIII вв., но и светские документы, отражающие историю Хотана VIII—IX вв. Здесь были обнаружены китайские документы, относящиеся к деятельности Хотанского гарнизона, одного из четырех форпостов Танской империи в Таримском бассейне, на ее западных рубежах. Эти материалы являются источниками для изучения китайско-хотанской административной системы и распространения китайской культуры на запад.

2. Невозможно переоценить роль русских ученых в изучении Кучи и Кашгара, важнейших оазисных государств северной ветви Шелкового пути, принадлежавших к тохарскому культурному ареалу. Российские экспедиции составили подробные описания буддийских памятников Шикшина и Кучи, уделив первостепенное внимание скульптуре и стеной росписи. Их дневники, описания, планы и рисунки имеют значение для изучения буддийского искусства региона. Большое количество хиньянских текстов, обнаруженных здесь, свидетельствуют об отличии местного буддизма от его хотанской разновидности. Тексты на тохарском языке, относящиеся к индоиранским языкам, явились новым материалом, проливающим свет на происхождение индоевропейских народов. Язык тохарский Б, на котором говорило население Кучи, был представлен документами и текстами буддийского содержания VII—IX вв. Литература на тохарском А, языке Карашара, представлена в основном текстами буддийского содержания, включая оригинал более поздней уйгурской версии драматического произведения «Майтреясамити», что подтверждает культурную самобытность тохаров.

3. Пристальное внимание русских исследователей привлекал Турфан, где был обнаружен ряд важных документов на китайском языке. Наряду с материалами экспедиций других стран эти материалы содействовали значительно более глубокому пониманию истории и культуры региона в IV—XIII вв. В Турфане были также обнаружены иранские мани-

bygone civilizations in the present-day Xinjiang. The role of Russian explorers, who, over decades, carried out expedition activities in the region, was extraordinarily significant. Their work was facilitated, among other factors, by Russia's advantageous geographic position.

In the 19th and 20th centuries, Russian explorers of Xinjiang achieved the following valuable results:

1. They studied the written monuments of Khotan, the largest oasis on the southern route of The Silk Road, a centre of eastward dissemination of Mahāyāna Buddhism. The written monuments of Buddhist culture in Sanskrit in Kharoṣṭhī script collected in Khotan by N.F. Petrovsky and S.E. Malov, including the *Dharmapada* and the *Lotus Sutra (Saddharmapundarika-sūtra)*, became most important sources for studying Buddhist traditions practised there. Russian scholars acquired not only Buddhist texts of the 5th to 8th centuries, but also secular documents reflecting the history of Khotan over the period from the 8th to 11th century. They found Chinese documents pertaining to the activities of the Khotan garrison, one of the four outposts of the Tang Empire on its western borders, in the Tarim Basin. The materials provide information on Chinese administrative system as adapted by the Khotanese and the propagation of Chinese culture westwards.

2. It is difficult to overestimate the role of Russian scholars in the study of Kucha and Kashgar, the most important oasis states on the northern route of The Silk Road, which belonged to the Tocharian cultural area. Russian expeditions made detailed descriptions of the Buddhist monuments of Shikchin and Kucha, paying particular attention to sculptures and murals. Their journals, descriptions, plans and sketches are essential for studying the Buddhist art of the region. The large number of Hīnayāna texts found there indicate that the local Buddhism differed from its Khotanese variety. The texts in Tocharian, which belongs to the Indo-European language group, became a new source shedding light on the origins of the Indo-European peoples. Tocharian B spoken in Kucha was represented by documents and Buddhist texts from the 7th to 9th century. The writings in Tocharian A spoken in Karashar, comprise chiefly texts with Buddhist subject matter, including an original dramatic work, *Maitreya-samiti*, the source for a later-date Uighur version, which proves the Tocharians' cultural originality.

3. Russian explorers were strongly attracted by Turfan, where they found a number of important documents in Chinese. Along with finds from other countries' expeditions, their materials facilitated a more profound understanding of the history and culture of the region in the 4th to 13th centuries. In Turfan they also discovered Iranian Manichaean texts, attesting to a wide currency of Manicheism in Gaochang at the time of the Western Uighur kingdom. The early Sogdian texts found provide information on the arrival of Sogdians in Gaochang and their commercial activity. The results of the archaeological stu-

хейские тексты, которые свидетельствуют о распространении манихейства в Гаочане при Западном уйгурском каганате. Ранние согдийские тексты предоставляют сведения о прибытии согдийцев в Гаочан и об их коммерческой деятельности. Результаты археологических исследований пещерных монастырей Турфана, а также изучение письменных памятников дают картину развития и особенностей буддизма в Турфане от времени существования государства Гаочан до периода господства Восточного уйгурского каганата.

Памятники письменности и искусства Синьцзянь, доставленные западными экспедициями в конце XIX — начале XX в., сейчас составляют гордость крупнейших европейских собраний. По прошествии многих лет по-прежнему нельзя не задаться вопросом, как иностранным исследователям удалось вывезти из Китая коллекции рукописей и произведений искусства, отличавшиеся столь значительным разнообразием и огромной научной ценностью? Правда ли, что китайские власти позволяли им брать с собой все, что они хотели увезти?

Отчеты иностранных экспедиций почти не затрагивали этот вопрос, поэтому ответить на него всегда было крайне трудно. Ситуация изменилась с выходом в свет сборника «Новые архивные материалы об иностранных экспедициях в Синьцзяне», опубликованного Архивным управлением Синьцзян-Уйгурского автономного района (Урумчи) в 2001 г.¹ Публикация проливает свет на взаимоотношения местных властей и иностранных экспедиций, которые работали в Восточном Туркестане в конце XIX — начале XX в. Нам доводилось работать в архиве Синьцзян-Уйгурского автономного района в 1995 г., и мы можем утверждать, что опубликованные материалы представляют собой весьма небольшую часть хранящихся в нем документов, касающихся пребывания в Синьцзяне иностранных исследователей, в особенности российских.

В сборник включены документы, имеющие отношение к работе экспедиции В.И. Роборовского и П.К. Козлова 1893—1895 гг. В основном это переписка между местными уездными чиновниками о выдаче паспортов членам экспедиции, а также документы, фиксирующие их въезд на территорию Китая и выезд за его пределы.

Если коротко суммировать содержание документов о работе В.И. Роборовского и П.К. Козлова в Китае, оно сводится к следующему². 16 сентября 1893 г. в министерство иностранных дел Цинской империи было доставлено письмо от российского посланника в Пекине, которое уведомяло,

дизейс cave monasteries in Turfan, coupled with the investigation of the documents, provided a picture of the development and peculiar features of Buddhism in Turfan spanning the period from the foundation of the Gaochang kingdom till the times of the Western Uighur kingdom.

The monuments of writing and art brought from Xinjiang by Western expeditions in the late 19th and early 20th centuries are now the gems of the greatest European collections. And even now, after so many years, one cannot help wondering: how could the foreign researchers have brought out of China collections of manuscripts and art works distinguished by such great variety and tremendous scientific value? And is it true that the Chinese authorities permitted them to take everything they wanted to carry away?

The reports of foreign expeditions hardly ever touched upon this topic, and therefore it has always been a difficult question to answer. The situation changed when the Archives of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region (Urumqi) published a collection of documents entitled *New Archive Materials about Foreign Expeditions in Xinjiang* in 2001.¹ The publication sheds light on the relations between the local authorities and the foreign expeditions that worked in Eastern Turkestan in the late 19th and early 20th centuries. I had an opportunity to work in the Archives of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region in 1995 and can testify that the materials published constitute but a small part of their documents pertaining to the stay in Xinjiang of foreign expeditions, especially those from Russia.

The collection includes some documents relevant to the work of the 1893—95 expedition of V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov. The bulk of them comprise correspondence between the local district officials concerning the issue of passports to the members of the expedition team, as well as documents recording their entrance on the territory of China and exit from it.

Below is a summary of the documents regarding the work of V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov.² On 16 September 1893, a letter was delivered to the ministry for foreign affairs of the Qing Empire from the Russian envoy in Beijing, who informed the Foreign Office that Russian officials named Roborovsky and Kozlov intended to “travel” about the Chinese provinces of Xinjiang, Gansu and Sichuan accompanied by eleven persons, with the aim of research in accord with their scholarly interests. The letter contained a request that passports be issued to them. The passports were provided and handed over to Roborovsky in the prefecture of Shuntian. The documents sanctioned the right to follow the proposed itinerary, except for

¹ 近代外國探險家新疆考古檔案史料 Цзиньдай вайго таньсяньцзя Синьцзян Каогу дан’ань шилiao (Новые архивные материалы об иностранных экспедициях в Синьцзяне). Урумчи, 2001.

² Об экспедиции В.И. Роборовского см.: Там же. С. 101—102.

¹ 近代外國探險家新疆考古檔案史料 Jindai waiguo tanxianjia Xinjiang Kaogu dan’an shiliao (*New Archive Materials about Foreign Expeditions in Xinjiang*). Urumqi, 2001.

² For more information about V.I. Roborovsky’s expedition see: *Ibid.*, pp. 101—102.

что российские чиновники Роборовский и Козлов в сопровождении одиннадцати человек намереваются «путешествовать» в провинциях Китая Синьцзян, Ганьсу и Сычуань для проведения интересующих их исследований. В письме содержалась просьба выдать им паспорта. Паспорта были выписаны и выданы Роборовскому в областном центре Шуньтянь. Документы предоставляли право следовать по заявленному маршруту за исключением населенных пунктов и территорий, где присутствие иностранцев могло быть нежелательным. В то же самое время Пэн Сюй-чжань (彭緒瞻), младший администратор Турфанского уезда, получил предписание из Кашгара, в котором было указано, что «Роборовский и еще один чиновник в сопровождении одиннадцати человек отправились из долины Кабуциши (喀布齊實) в Токсун». Китайскому чиновнику предписывалось «предоставлять этим иностранцам необходимую защиту, где бы они ни находились». 10 октября Пэн Сюй-чжань сообщил губернатору Синьцзяна Тао Мо (陶模), что «русские прибыли в Токсун в 26-й день 8-го месяца, следуя не по главным дорогам, а по обходным путям через горы. Они посетили меня в Токсуне в 28-й день и сообщили, что намереваются отправиться в Люкчун после нескольких дней стоянки в Токсуне и затем проследовать в Хами. После этого они отправятся в Тибет через Дуньхуан, а потом обратно в Россию». Пэн Сюй-чжань выделил людей для их охраны и направил особого чиновника для дальнейшего их сопровождения в Синьцзян.

23 октября Пэн Сюй-чжань направил письма в префектуры Хами и Чжэньси с предписанием «ожидать прибытия русского чиновника Роборовского и предоставить ему необходимую защиту». 3 декабря Чжу Мяньюн (朱冕榮), чиновник Турфанского уезда, сообщил Тао Мо, что Роборовский в 20-й день десятого месяца отправился в Хами, в то время как Козлов проследовал к Лопнору, и китайские местные власти предоставили ему сопровождение.

Из документов (см. с. 222) следует, что Роборовский и члены его экспедиции прибыли в Синьцзян как «путешественники», занимавшиеся исследовательской работой. Поэтому правительство Цинской империи выдало им паспорта и предоставило сопровождение. По всей видимости, китайские власти не были информированы о целях их поездки в Турфан и другие места и не имели представления об их деятельности, направленной на изучение памятников искусства.

Наряду с этим в Архиве Синьцзяна находится еще один небольшой документ, датированный 3-м годом Китайской Республики (1914). Он касается второй Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга и имеет следующее содержание: «Доктор С.Ф. Ольденбург, художник С.М. Дудин, инженер В.С. Биркенберг, топограф Н.А. Смирнов и картограф Б.Ф. Ромберг в сопровождении 8 казаков, имея на руках паспорта, выданные Министерством иностранных

specified settlements and lands where the presence of foreigners might be undesirable. Simultaneously, Peng Xu-zhan, (彭緒瞻), assistant administrator of the Turfan district, received notification from Kashgar, which read “Roborovsky and one more official accompanied by eleven people made way from the Kabuqishi valley (喀布齊實) to Toksun.” The Chinese official was instructed “to provide protection to these foreigners wherever they might be”. On 10 October, Peng Xu-zhan informed Tao Mo (陶模), the Governor of Xinjiang, that “the Russians arrived in Toksun on the 26th day of the 8th month, having followed mountain bypasses rather than main highways. They visited me in Toksun on the 28th day of the 8th month to report that after a few days’ stay in Toksun they intended to leave for Lukchun and subsequently to proceed to Hami, whence they would make way to Tibet via Dunhuang and then back to Russia.” Peng Xu-zhan detailed personnel to protect them and a special duty officer to accompany the expedition to Xinjiang.

On 23 October Peng Xu-zhan sent letters to the prefectures of Hami and Zhenxi with instructions “to await the arrival of the Russian official Roborovsky and provide him with appropriate protection”. On 3 December Zhu Mian-rong (朱冕榮), official of the Turfan district, informed Tao Mo that on the 20th day of the 9th month Roborovsky left for Hami, while Kozlov with a few people provided by the Chinese local authorities to accompany him made way to Lop Nor.

It follows from the above mentioned documents (see p. 222) that Roborovsky and the other members of his expedition arrived in Xinjiang as ‘travellers’ engaged in exploratory work. Consequently, the government of the Qing Empire issued the required passports and provided the travellers with guards. To all appearance, the Chinese authorities had not been informed about the objectives of their trip to Turfan and other places and had no notion of their activities aimed at studying objects of art.

Meanwhile, one more short document dated the 3rd year of the Republic of China (1914) is kept in the Xinjiang Archives. It pertains to S.F. Oldenburg’s Second Russian Turkestan Expedition and reads as follows: “Dr. S.F. Oldenburg, artist S.M. Dudin, engineer V.S. Birkenberg, topographer N.A. Smirnov and cartographer B.F. Romberg, accompanied by 8 Cossacks, all holding passports issued by the Ministry for Foreign Affairs, have left for Gansu to conduct archaeological research in Dunhuang. They proceeded from the Weitangzi Pass in the vicinity of Tacheng to Xinjiang on the 26th day of the 6th month of the 3rd year and arrived at Tacheng on the same day. On the 7th day of the 7th month they went to Wusu, then to Sulai (on the 13th), Changji (on the 15th), Dihua, Urumqi (on the 16th), Fukang (on the 26th), Fuyuan (on the 31st), Qitai (on the 1st day of the 8th month) and Hami (on the 15th). According to our data, Oldenburg remained in Dunhuang, while the artist Dudin and three other participants in the expedition went back to Hami in Xinjiang, and to Anxi on the 16th of the 11th month, then to Qitai (on the 26th), Fuyuan (on the 27th), Fukang (on

дел, направились в Ганьсу для проведения археологических исследований в Дуньхуане. Они проследовали от прохода Вэйтанцзы близ Тачэна в Синьцзян в 26 день 6-го месяца 3-го года и прибыли в Тачэн в тот же день. В 7-ой день 7-го месяца они отправились в Усу и затем в Суйлай (в 13-й день), Чанцзи (в 15-й день), Дихуа, Урумчи (в 16-й день), Фукан (в 26-й день), Фуюань (в 31-й день), Цитай (1-й день 8-го месяца) и Хами (15-й день). По нашим данным, кроме Ольденбурга, который остался в Дуньхуане, художник Дудин и остальные три участника экспедиции выехали обратно в Хами, Синьцзян, в Аньси в 16-й день 11-го месяца и затем в Цитай (в 26-й день), Фуюань (в 27-й день), Фукан (в 1-й день 12-го месяца), Дихуа (2-й день), Чанцзи (в 7-й день), Суйлай (в 10-й день), Усу (в 13-й день), Цзинхэ (в 18-й день), Или (24-й день) и покинули Синьцзян через проход Никань. Из отчетов, поступивших из уездов, следует, что они имели охрану и не выполняли картографических или иных работ в пути. О следующем въезде Ольденбурга на территории Синьцзяна будет представлен другой отчет»³.

Из документов следует, что администрация Синьцзяна была полностью информирована о местонахождении членов экспедиции С.Ф. Ольденбурга, но не имела представления об их реальной деятельности. В отчете отмечалось, что экспедиция направилась в Дуньхуан для археологических изысканий, но в его конце было отмечено, что русские не проводили никаких картографических и прочих работ, хотя при этом определенно было указано, что в состав экспедиции входили художник, инженер, топограф и картограф. Рассматривая их как обычных «путешественников», китайские власти пренебрегли своими служебными обязанностями. Несомненно, экспедиция С.Ф. Ольденбурга имела фундаментальную научную подготовку и хорошую техническую оснащенность. Недавно опубликованные материалы, карты, фотографии и подробные отчеты этой экспедиции⁴ свидетельствуют о том, что они выполняли не только «картографические и иные работы», но и осуществили наиболее подробное из всех ныне существующих описание пещер Дуньхуана. Книга С.М. Дудина, участвовавшего в обеих экспедициях Ольденбурга, «Архитектурные памятники Китайского Туркестана» (Пг., 1916) недавно была опубликована в китайском переводе⁵ и также дает представление

the 1st of the 12th month), Dihua (on the 2nd), Changji (on the 7th), Suilai (on the 10th), Wusu (on the 13th), Jinghe (on the 18th) and Yili (on the 24th), leaving Xinjiang through the Nikan Pass. Reports sent from the provinces show that the expedition members had guards and did not perform any cartographic or other work as they moved. Another report should be duly submitted when Oldenburg will re-enter Xinjiang.”³

It follows from the documents that the administration of Xinjiang was fully informed about the whereabouts of S.F. Oldenburg's expedition members, while having no idea about their actual activities. The report states that the expedition started out to Dunhuang for archaeological studies, but the final part of the document says that the Russians did not carry out any topographic or other work. At the same time it was clearly stated that the expedition included an artist, an engineer, a topographer and a cartographer. In treating them as ordinary travellers, the Chinese authorities grossly neglected their duties. S.F. Oldenburg's expedition was undoubtedly prepared on a sound scientific basis and was well equipped technically. The recently published materials, maps, photographs and detailed reports⁴ show that they not only performed “cartographic and other work”, but they accomplished the most detailed of all the existing descriptions of Dunhuang's caves. The book entitled *Architectural Monuments of Chinese Turkestan* (Petrograd, 1916) by S.M. Dudin, participant in both expeditions headed by Oldenburg, has been recently published in Chinese translation⁵; it also gives a clear impression of the expedition's research activities in the study of Shikchin's monuments in Karashar and Turfan.

In the documents from the later period of Qing dynasty and the first years of the Republic of China there was always some indication that the local authorities provided safety for the foreign expedition teams. That was connected with the official status of the expeditions and to a certain extent legitimized their collecting activities. Extensive correspondence between local Chinese officials accumulated in the archives. They keep original documents instructing district authorities to provide foreign expeditions entering their territory with personnel to guard their members. Yet there is no information in the archives regarding the specific activities of those expeditions. Although the majority of foreign expeditions worked under the guise of

³ Цзиньдай вайго тансяньцзя Синьцзян каогу даньянь шилля. Указ. соч. С. 301.

⁴ 俄藏敦煌艺术品 Э цан Дуньхуан ишупинь (Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в России). Т. 4. Шанхай, 2000.

⁵ 杜丁 Дудин С.М. 中國新疆的建築遺址. 何文津、方久忠譯 Чжунго Синьцзян дэ цзяньчжу ичжи (Архитектурные памятники Китайского Туркестана). (Пер. Хэ Вэнь-йзиня, Фан Цзю-чжуна). Пекин, 2006.

³ Jindai waiguo tanxianjia Xinjiang kaogu dan'an shiliao..., p. 301.

⁴ 俄藏敦煌艺术品 E cang Dunhuang yishupin (*Dunhuang Art Relics Collected in Russia*). Vol. 4. Shanghai, 2000.

⁵ 杜丁 Dudin, S.M. 中國新疆的建築遺址. 何文津、方久忠譯 Zhongguo Xinjiang de jianzhu yizhi (*Architectural Monuments of Chinese Turkestan*). Translated by He Wen-jin, Fang Jiu-zhong. Beijing, 2006.

об исследовательской деятельности экспедиции в изучении памятников Шикшина в Карашаре и Турфана.

В документах конца династии Цин и начала Китайской Республики всегда содержались указания, что местные власти обеспечивали безопасность иностранных экспедиционных отрядов. Это было связано с официальным статусом экспедиций и в определенной степени оправдывало их собирательскую деятельность. В архивах отложилась обширная переписка местных китайских чиновников. Сохранились предписания уездным властям предоставлять экспедициям, въезжавшим на территорию уезда, людей для охраны. Но по поводу конкретной деятельности экспедиций никакой информации нет. Хотя большинство иностранных экспедиций работало под видом путешественников, как, например, А. Стейн, они вели поиск археологических памятников, но это не привлекало внимания местных властей. Когда китайские чиновники увидели археологические находки Стейна, они лишь потребовали предоставить им их фотографии⁶. Когда П. Пеллио прибыл в Синьцзян, он также сообщил, что «направляется в северо-западную часть Китая для посещения древних памятников, снятия копий с каменных стел, проведения исследований». Местные чиновники никак на это не отреагировали⁷. В архиве есть документы о том, что экспедиция Отани «посетила Астану, Хара-Ходжо, Муртук, Яр-Хото, где провела раскопки древних памятников», но нет никаких свидетельств, что этому кто-то воспрепятствовал⁸.

Только после Синьхайской революции 1911 г. центральное правительство Китая и провинциальные власти Синьцзяна стали обращать внимание на проведение иностранцами картографических работ. В 1913 г. специально назначенный Министерством иностранных дел комиссар по делам иностранцев провинции Синьцзян (新疆交涉員 Синьцзян цзяошэюань), глава департамента Синьцзяна по делам иностранцев (新疆外交署長 Синьцзян вайцзяо шучжан) Чжан Шао-бао (張紹伯) издал специальное распоряжение уездным начальникам о том, чтобы в места, где иностранцы ведут картографические работы, они направляли специальных представителей, которые бы следили за строгим соблюдением распоряжений Министерства иностранных дел, а также всех ограничений с его стороны⁹. Во время третьей центральноазиатской экспедиции А. Стейна власти сочли нужным ограничить проведение картографирования экспедицией в местах, где были расположены объекты национальной обороны¹⁰. Они неоднократно

travellers, as, for example, did Marc Aurel Stein, they were actually searching for archaeological monuments, which did not arouse interest of the local authorities. When the Chinese officials saw Stein's archaeological finds, they only demanded that their photographs should be submitted.⁶ On his arrival in Xinjiang, Paul Pelliot also stated that he was "going to the north-west of China to see ancient monuments, make copies of stone steles and do research." There was no reaction to that on the part of the local officials.⁷ The archives keep records that Otani's expedition "visited Astana, Khara-Khodja, Murtuk and Yar-Khoto, where they carried out digging for ancient monuments", but there is no evidence that anybody tried to stop it.⁸

It was not until the Xinhai revolution of 1911 that the central government of China began to pay attention to cartography work done by foreigners. In 1913, Zhang Shao-bo (張紹伯), Commissioner for the Affairs of Foreigners in the Province of Xinjiang (新疆交涉員 Xinjiang jiaosheyuan), specially appointed to this post by the Ministry for Foreign Affairs, who was also Chief of the Xinjiang office for Foreigners' Affairs (新疆外交署長 Xinjiang waijiao shuzhang), issued special instructions for district chiefs, ordering them to assign special representatives to places where cartographic work was carried out by foreigners in order that they might oversee a strict compliance with the foreign ministry's decrees and the observance of all the bans imposed by it.⁹ During A. Stein's third Central Asian expedition, the authorities found it necessary to limit its cartography work where national defense bases were located.¹⁰

⁶ Цзиньдай вайго тансяньцзя Синьцзян каогу даньань шилiao. Указ. соч. С. 107—108 (запись от 7 мая 1901 г.).

⁷ Там же. С. 257 (запись от 12 февраля 1906).

⁸ Там же. С. 208 (запись от 2 января 1909 г.).

⁹ Там же. С. 115 (запись от 12 ноября 1913 г.).

¹⁰ Там же. С. 113 (запись от 28 августа 1913 г.).

⁶ Jindai waiguo tanxianjia Xinjiang kaogu dan'an shiliao..., pp. 107—108 (Entry of May 7, 1901).

⁷ Ibid., p. 257 (Entry of February 12, 1906).

⁸ Ibid., p. 208 (Entry of January 2, 1909).

⁹ Ibid., p. 115 (Entry of November 12, 1913).

¹⁰ Ibid., p. 113 (Entry of August 28, 1913).

направляли чиновников, чтобы те проследили за надежностью охраны экспедиций, а также негласно вели наблюдение за проведением картографических работ. По получении донесения о том, что во время своей второй экспедиции в Восточный Туркестан Стейн «под предлогом исследования памятников древности воровским образом занимался картографированием китайской территории», губернатор Синьцзяна Ян Цзэн-синь приказал конфисковать все измерительные приборы экспедиции, а также снятые ею карты¹¹.

Документы свидетельствуют о том, что китайские власти проявляли беспокойство лишь по поводу картографирования, а не охраны памятников. И лишь в 1930 г. под влиянием Пекинского комитета охраны памятников правительство Китайской Республики (北京古物保護委員會 Бэйцзин гуу баоху вэйюаньхуэй) предписало властям провинции Синьцзян остановить четвертую центральноазиатскую экспедицию Стейна и отказать ему в разрешении на вывоз культурных ценностей¹².

Каким может быть отношение китайского исследователя к утрате Китаем своих собственных исторических и культурных ценностей и к безразличию тогдашних властей? В ту пору китайское правительство было не в состоянии защитить императорские дворцы и парки в Пекине, что же говорить о рукописях и археологических памятниках в пустынях Синьцзяна? Но с тех пор минуло уже почти сто лет, а что прошло, то прошло. К счастью, в последние годы все шире развивается международное сотрудничество в исследовании памятников письменности и искусства из Синьцзяна и других мест. Были опубликованы рукописи из Дуньхуана и Хара-Хото, а также произведения искусства из коллекций России, доставленные экспедициями рубежа XIX—XX вв. Так сохранившиеся в российских собраниях памятники китайской культуры стали более доступны мировому научному сообществу.

They repeatedly sent officers to see to it that the expeditions were reliably guarded and to covertly keep an eye on the execution of cartography work. On receiving secret intelligence that during his second expedition to Eastern Turkestan Stein “under the pretext of studying ancient monuments was stealthily engaged in mapping a Chinese locality”, Xinjiang Governor Yang Zeng-xin gave orders that all their geodesy instruments and the maps they had made should be confiscated.¹¹

The documents available prove that the Chinese authorities were anxious only about cartography, but not about the safety of monuments. It was not until 1930 that the Government of the Republic of China, influenced by the Beijing Committee for the Protection of Monuments (北京古物保護委員會 Beijing guwu baohu weiyuanhui), instructed the government of the Province of Xinjiang to stop Stein’s Fourth Central Asian expedition and ban his export of cultural relics.¹²

What can be the attitude of a Chinese researcher to China’s loss of its historical and cultural riches and to the indifference about such loss of the authorities in the past? At that time the Government of China was unable to protect even the imperial palaces and parks in Beijing, let alone the manuscripts and archaeological finds from the deserts of Xinjiang. But nearly a hundred years have elapsed since those days and the past cannot be reversed. Fortunately, international cooperation in the field of studying written monuments and art from Xinjiang and other places has been rapidly expanding. The manuscripts from Dunhuang and Khara-Khoto have been published, as well as some art works from Russian collections that were brought from China by expeditions at the turn of the twentieth century. In this way the monuments of Chinese culture preserved in the Russian collections have become more accessible to the international scholarly community.

¹¹ Там же. С. 118 (запись от 17 декабря 1913 г.).

¹² Там же. С. 134—135; 斯坦因第四次新疆探險檔案史料
Сытаньинь ди сы ци Синьцзян тансянь данъань шилиао
(Архивные документы о четвертой экспедиции Стейна в Синьцзяне).
Урумчи, 2007.

¹¹ *Ibid.*, p. 118 (Entry of December 17, 1913).

¹² *Ibid.*, pp. 134—135. 斯坦因第四次新疆探險檔案史料
Sitanying di si ci Xinjiang tanxian dan’an shiliao
(Archive Materials relevant to the Fourth Stein’s Expedition to Xinjiang).
Urumqi, 2007.